

Культура. - 1993. - 4 авг. - с. 9.

«Мост» не сжигает мосты

Русский театр из Тель-Авива на видеоэкране Московского дома кино

Перед началом директор Дома кино Юлий Гусман удивился полному и весьма оживленному залу и был прав. Нужно очень интересоваться предметом, чтобы теплым летним вечером прийти на программу израильских документальных лент, да еще в условиях видеоэкрана. Основной приманкой программы (во всяком случае для меня) был телевизионный фильм «Семья Гешер».

О русском театре «Гешер» (в переводе с иврита — «мост») довольно много пишут, а еще больше говорят. Островком русской культуры он существует сегодня в Тель-Авиве, как некогда островком еврейской культуры существовал в Москве ГОСЕТ. Покинувшие свой материк российские актеры с российским режиссером Евгением Арье и с российским же руководством в лице молодого и весьма энергичного директора Славы Мальцева вот уже два года ставят спектакли по-русски (если даже играют на иврите), собирают зал отнюдь не только русскоязычный и потихоньку завоевывают репутацию.

Режиссер Борис Мафцир (тоже когда-то наш, материковый) сделал картину, не просто констатирующую и описательную, но проблемную (советская школа!), не только эмоциональную, но аналитическую. При этом ему удалось обойтись без какого бы то ни было собственного комментария: говорят только его персонажи, и в столкновении их мнений, оценок, рассуждений рождаются вопросы, на которые интересно самим поискать ответы.

...Запомнились поэтические кадры. Труппа «Гешера» выехала на природу. Актеры поднимаются в гору по зеленому ковару, и путь их устал маками. Вот перед ними гигантские колючие кактусы, но, если изловчиться, то через иголки можно дотянуться до удивительного экзотического плода, и местный уроженец, обаятель-

ный карлик, принятый в театр для «придворного» и вместе с тем эксцентрического циркового колорита, умело изрезает плод и галантно подносит его прелестным дамам. Здесь легко усматривается символика рекламного ролика на тему «Добро пожаловать в Израиль», но, показав красивую картинку, автор рвет ее на кусочки и использует последние для коллажа, сложного и парадоксального, как и предполагается быть коллажу.

Труппа театра живет нелегко, в постоянных, почти круглосуточных трудах. Все интересно — на фоне монтровки, разгрузки, погрузки, в автобусе, в коротких паузах между репетициями. Их спектакли («Розенкранц и Гильденстерн мертвы» Стоппарда, «Мольер» Булгакова, «Дрейфус» Грюмберга, «Идиот» Достоевского...)

по сравнению с былой московской манерой тех же актеров и того же режиссера кажутся чуть более агрессивными, более настойчивыми в желании получить немедленную ответную реакцию публики, более эксцентричными. Солнце что ли причиной? Или обострение победительного, завоевательного инстинкта? Необходимость выжить? И это уже часть основной проблемы этого фильма и этого театра. Каков механизм его взаимодействия с израильтянами и израильской культурой? В титрах картины несколько раз мелькнула благодарность разным организациям, связанным с «абсорбцией», то есть поглощением чужеродного тела новой средой обитания.

Так вот, судя по фильму, по тем интервью, которые дают израильские зрители, критики,

чиновники, деятели культуры, секрет успеха театра «Гешер» именно в том, что мосты не сожжены и об абсорбции не может быть и речи. Речь идет скорее об очень долгих, может быть, вечных гастролях, когда вежливость диктует шаг навстречу общению с публикой в виде заученного на незнакомом языке текста, но вместе с тем интерес публики основан прежде всего именно на чужеродности, непохожести того, что делает «Гешер» в сравнении с ранее сложившимся израильским театром.

Из сказанного авторам фильма израильтянами людьми следует, что любят «Гешер» за то, что это — некоммерческое искусство и за то, что это русский театр. Ясно также, что любовь к этому театру в Израиле не столько спонтанная (хотя не последнюю роль сыграла

тут открытость израильской культуры и атмосфера доброжелательности), сколько завоеванная. Бешеным энтузиазмом, целеустремленностью, жизнеспособностью и, разумеется, талантом труппа продемонстрировала действенность того механизма выживания, который выработан советским искусством годами сопротивления властям и преодоления всех возможных трудностей.

«Гешер» в Израиле жил эти два года по законам студии, то есть театра-дома, театра-семьи, потому что так легче выжить. Так живут и некоторые театры в Европе и Америке, но, как правило, недолго. Русское общечеловеческое, мирное, коммунальное, студийное тоже редко выдерживает испытание успехом, несущим расслоение и притупляющим чувство опасности. Сегодня как будто мост переки-

нут напрямую к успеху даже и официальному, поскольку театр, кроме субсидий, получил и новое помещение. Ему присуждена и премия Давида Маргалита за 1992 год. Он гастролирует в Европе и Америке. Стремится приехать к нам. И, возможно, мы увидим «Идиота» на иврите, что придаст и роману Достоевского, и знакомым актерам ту долю остроты, которая всегда не вредна при возвращении к хорошо известному... Но думаю, что эти гастроли в любом случае не будут здесь чужеродными. Они будут для своих.

В телевизионном фильме Бориса Мафцира вспоминаются кадры, где пришлый нищий скрипач играет за кулисами театра, и в его шляпу щедро набросаны деньги, какая-то еда, какие-то вещи. Эти кадры трогают не только добротой подающих, но прямой отсылкой к «Моцарту и Сальери» (Моцарт: «Постой же; вот тебе, пей за мое здоровье»). Может быть, они уже могут позволить себе «остановиться у трактира и слушать скрипача слепого?»..

И. МЯГКОВА.